

1.1. Рационализм

Фактору рационализма в рождении капитализма уделяется главенствующая роль. Мы также знаем такую категорию, как западный стиль мышления. Рационализм преподносится чуть ли не как идентифицирующая особенность общественной формации Запада.

Суждение о ценностях в рамках данной версии сводится к тому, что прочие общества на протяжении всей истории так и не смогли в достаточной степени приобщиться к умственным ценностям. Говорят о том, что именно Запад создал науку, приложив немало интеллектуальных усилий, а поскольку наука — это сила, неизбежно превращение системы в гегемона. Наконец, серьезность этого утверждения видна на примере того, что сегодня мы окружены системой-гегемоном с четырьмя просвещенными головами, впитавшими в себя именно этот умственный потенциал. Однако, для того чтобы охарактеризовать интеллектуальный стиль этой системы, удерживающейся на плаву только лишь благодаря ужасающей ядерной политике, необходимо охарактеризовать такое понятие, как ум, соответственно со всеми его особенностями, идентифицирующими человека как биологический вид.

С точки зрения анализа к этой проблеме можно подойти с двух сторон: биологического вида и социального развития. Постараемся рассмотреть их перекрестно, дополняя одно другим.

1. Можно говорить о мышлении человека, как о биологическом виде

Для того, чтобы охватить тему, мы должны задаться вопросом: какой смысл несет в себе разум в системе живых существ, даже в микро- и макропараметрах, в мировом масштабе? Умозаключения, устанавливаемые по поводу частичек, входящих в структуру атома, делают неизбежными рассуждения о разуме, позволяющие раскрыть такие понятия, как «разнообразие», «разница» и вместе с этим «развитие». Главный двигатель вселенной способствует развитию переплетающихся во всем многообразии процессов взаимодействия в мельчайших до невозможности пространствах внутри атома со скоростью, которую невозможно себе представить. Такого рода разнообразные процессы происходят не только в физических, но и биологических мирах. Обратим внимание на наблюдения в пределах метафизики.

Подобное умозаключение можем применить и к макромиру. Вселенная сама является последствием таких фундаментальных категориальных образований, как живое и неживое, конечное и бесконечное, схожее и различное, материя и энергия, тяга и толчок. Это и есть единое целое. Все, что меньше атома, и все, что выше вселенной, вкуче составляют фундаментальную диалектическую дилемму. Время реализуется или позиционирует себя

как единство глубины, а место — как единство ширины. Вопрос «почему существует Вселенная» ассоциируется с полностью метафизическим мировоззрением, но нельзя говорить о его бессмысленности. Однако не стоит забывать о том, что вопрос задается человеком, а человек — существо социальное. Ведь мы не особо верим в существование какого-либо иного бытия за пределами наших феноменальных ощущений. Мы реализуемся настолько, насколько ощущаем, чувствуем, даже мыслим. Напротив, материализм — это бытие, отражающееся в чувствах и мыслях. Я понимаю обескураживающий характер этой дилеммы и особо подчеркиваю необходимость преодолеть его влияние. Невозможно познать Вселенную при помощи этих дилемм. Установка водораздела между мыслью и телом является философским и даже религиозным заблуждением, больше всего способствующим отрицанию жизни. У Вселенной таких проблем нет.

В организации даже самого примитивного живого существа мы находим потрясающий элемент мышления. В качестве первой особенности этого мышления мы видим следующее: если поделить его в пределах срока, состоящего из множества мгновений, увидим, что оно приобщилось к тенденции, ведущей к бесконечности. Ни одно живое существо, прежде существовавшее, не исчезло. Соппротивление этого живого существа в обстановке, создавшей его, способствовало прогрессу вплоть до потенциала мышления, существующего у самой современной человеческой особи. Каким образом потенциал живого существа, зародившийся в одной клетке, развился до такого поразительного живого существа, как человек со свойственным ему мышлением?! Возможно, для простейшей живой клетки, даже для микромиров основополагающим является размножение, для чего им нужна подпитка из окружающей среды, а для всего этого необходимо умение защитить самих себя. Возможно, частички, входящие в структуру атома, решают все свои проблемы, связанные с размножением, питанием и защитой, только в том стиле, который присущ их микромиру. Границы, на которые они опираются, это границы бесконечного размножения, питания и безопасности. Ответ на наше понимание мирового разума мы можем здесь немного достичь. Не стоит считать этот мир чем-то чуждым для нас. Каждая частичка нашей жизни заполнена ими. Может быть, наши усилия в плане размножения, питания и обеспечения собственной безопасности являются обобщенным выражением этого мира (микромира). Может быть, макромир тоже имеет аналогичный характер. Он решительно стоит на позициях собственного мышления, побуждающего к размножению, питанию и обеспечению собственной безопасности. Можно также предположить и то, что макромир тоже отражается на мышлении человека.

Я понимаю, что мы прибегаем к крайней степени умозаключений. Однако понятно и то, что потенциальный мыслительный статус, присущий человеку, нельзя воспринимать как манну небесную. Как можно представить себе разум, абстрагированный от бытия и эволюции? Насколько реалистично считать мышление явлением, свойственным одному лишь человеку? Даже смерть считается обязательной для осознания жизни, а стало быть, и для бытия. Мы можем однозначно заявить, что без смерти не было бы и жизни. Жизнь без изменений до бесконечности, в сущности, своей является отсутствием жизни, поскольку, что если в той или иной обстановке отсутствуют различия, это означает, что отсутствует все. Даже в этой ситуации смерть считается неизбежной для существования жизни. В таком случае, если смерть следовало бы расценивать как некое благодаяние, почему мы так ее боимся, будто смерть — это конец жизни? На мой взгляд, вместо того чтобы испытывать страх перед

смертью, лучше было бы осознать жизнь, ставшую возможной именно благодаря смерти, и, исходя именно из этого, идти к конечному результату, что стало бы лучшим вкладом в развитие Вселенной. Насколько неизбежна смерть, настолько же неизбежна и жизнь. Точнее, единственной целью мне видится поиск ответа на эту тайну Вселенной посредством решения данной дилеммы.

Хорошо, рассуждая в русле решения этой дилеммы, чего же в таком случае можно достичь в результате постижения самого совершенного смысла жизни? В принципе, этот вопрос кажется мне, с одной стороны, крайне неуместным, с другой стороны, очень нужным. Глубокие знания, как и постижение тайны Вселенной, мы могли бы назвать окончательной победой жизни. Освящением жизни и постоянным праздником можно считать и райские кущи, описанные в святых книгах, и нирвану в буддизме, и полное состояние экстаза в мистических учениях.

Некоторые западные мыслители считают, что, согласно известным наблюдениям, жизнь в пределах нашей планеты является результатом полнейшей случайности, и по мере истощения Солнечной системы она полностью затеряется в бессмысленной космогонии. Это напоминает описание ада. Есть аргументы, на которых основана данная форма умозаключений. Однако идея анализа жизни является самой ограниченной из них. В полной мере мы не знаем ни Вселенной, ни эффективного смысла жизни. Мотивы для подобного рода умозаключений не имеют необходимой силы. Мир, в котором мы живем, не дает возможности для зарождения жизни без должной обстановки, но наш мир настолько жив и справедлив, что предоставляет любому живому существу, созревшему для жизни, необходимую обстановку согласно его потенциалу.

Насколько неправильно было бы наделять историю возникновения человека эгоцентрическими чертами, настолько же неуважительно было бы по отношению к чудесному возникновению Вселенной считать эту историю посредственным явлением. Наихудшая метафизика — это позитивизм, пытающийся объяснить явление человека совершенно независимо от Вселенной. Сравнивая связь позитивизма как самого грубого материализма, с капитализмом, я проникаюсь необходимостью столь же уважительного, сколь и осмысленного отношения к жизни.

Подводя итог, скажем, что мы, кажется, обрели возможность познания совершенства Вселенной на примере человека как биологического вида. Познание данного потенциала это одно, а его реализация — это совершенно другая стадия. Один из постулатов восточной мысли, гласящий о том, что «все в человеке», вероятно, помогает познать эти реалии. Должен еще раз отметить, что мышление, сошедшее на почву человеческого эгоцентризма, видит все прочие живые и неживые миры на службе у человека, но такая позиция, ставшая философской базой иерархически авторитарного и тотального понимания проблемы власти, совершенно очевидно приводит к умозаключениям, крайне далеким от жизни. Точнее, становится продуктом такого ума. В те же самые двери ломаются и некоторые экологические философские течения, которые, казалось бы, должны быть антиподом вышеупомянутых, и считают человека главным несчастьем, свалившимся на голову природы. Восприятие результата эволюции человека как беды, свалившейся на голову природы, является продуктом крайне ограниченной философии, у которой очень слабые связи с жизнью.

Недостаточная оценка эволюции, дошедшей до современного уровня человека, вызвана или очень слабой связью с жизнью, или системой, построенной на ужасающей эксплуатации.

Эволюция, дошедшая до пределов человеческой особи, ставит перед нами серьезные нравственные вопросы. До того, как перейти к этому, мы должны суметь охарактеризовать связь разума с обществом.

2. Успешная реализация человеком собственного интеллекта зависит от того, насколько успешно удастся этот интеллект социализировать

Что особенно важно, биологическая структура человека делает обязательным его общественный характер. Человек обречен на такую социализацию, которая немыслима для какого-либо иного живого вида. Человеческое дитя только после пятнадцати лет полностью покидает период своего детства, причем жизнь на протяжении этого отрезка времени попросту невозможна вне общества. Дитя рождается из материнской утробы очень слабым, тогда как детеныши остальных живых существ в течение нескольких дней могут достичь положительных шагов в своем существовании. Человеческое общество — очень сложный механизм, требующий глубокого изучения. Человек, утерявший связь с обществом, или развивается на новой стадии, близкой к обезьянам, что становится шагом назад в эволюционном процессе, или же может совсем исчезнуть. Все живые существа, и как представители вида, и как единство видов, испытывают потребность в свойственной им общности. Общество, свойственное человеческому виду, несет в себе субстанциональные качества, которые намного выше любой общности живых существ.

Более глубоким является подход, определяющий общество как «вторую природу». Социализация сама по себе — это эффективное начало активизации мышления, вышедшего за рамки потенциала. Общественность требует постоянного разума. Развитие общества в основе своем—это развитие разума. Это обретение возможного состояния. Питание, размножение и обеспечение безопасности достигают большего развития вместе с растущей социализацией. Я должен более ясно сообщить, что свойственные всем живым существам элементы питания, размножения и обеспечения безопасности — это своего рода проявление ума. Это самый жесткий инстинктивный стиль обучения. Это действия, направленные на обучение поведению, свойственному всему живому. Обобщая, скажем, что прогресс Вселенной ассоциируется с мышлением и обучением. Общество как вторичная природа — это своего рода высшая стадия первичной природы, ее отраженное состояние.

Уверен в том, что, не разобравшись в обществе, как вторичной природе, мы рискуем стать жертвами рискованного заблуждения в осознании роли мышления и практики, способствующих первостепенности первичной природы. Надеюсь, что если человек является

продуктом вторичной природы, то для осознания природы самого человека надо главное внимание уделить осознанию самой природы, породившей его. Именно поэтому я не убежден в объективности науки и его возможности развиваться независимо от вторичной природы. Это определенно кажется мне заблуждением. Я думаю, что такие науки, как химия, физика и даже биология, не могут быть свободны от науки, характерной для вторичной природы, т. е. социальных наук, и от человека. Я понимаю, что блуждаю по берегам некоего религиозного закона. Но основная проблема, которую необходимо раскрыть, заключается в следующем: есть ли смысл в субъектно-объектной дифференциации, если все законы, характерные для первичной природы, благодаря вторичной природе, т. е. обществу, находят свое выражение в личности человека? Сколько можно отделять друг от друга того, кто познает от того, что он познает? Еще более жгучий вопрос: разве не самое серьезное заблуждение — строить субъектно-объектную дилемму на почве разделения познающего субъекта и объекта познания? Позиционирование первичной и вторичной природы в субъектно-объектном противопоставлении я считаю основой всех ошибочных действий, характерных для человека, и всех болезненных социальных процессов. Эта логическая система (стереотип мышления) при помощи капиталистической системы берет в плен все общество и устанавливает над ним режим эксплуатации. Гораздо ужаснее то, что эта система обязательно распространит упомянутую логику давления и эксплуатации в противовес всем элементам первичной природы.

Общественность, вступающая в действие в качестве выхода из трагического положения, в котором оказался человек, на определенных этапах её же собственного пути, превращается в проблему, причем как в отношении человека, так и в отношении себя самой. Безусловно, в дальнейшем я постараюсь охарактеризовать проблемы, в первую очередь, экономические и другие сопутствующие факторы, а сейчас попробуем прокомментировать процессы развития на уровне мышления.

Очень важно подтвердить тот факт, что сила мышления, нашедшая свое место в мозгу человека путем биологической эволюции, и активизировалась, и дифференцировалась уже на стадии социальной эволюции. Я подчеркивал, что общественный характер жизни утверждает свое проснувшееся ото сна и постоянно действующее мышление. Потребностью эволюционного характера бытия является то, что постоянно действующее состояние мысли в тоже время способствует развитию человеческого мозга. Общественная жизнь является основным фактором развития мышления несмотря на то, что это требует длительного периода. Даже личностные заявления в данном случае неубедительны. В основе каждого мышления лежит социальная самобытность.

Из имеющихся антропологических данных ясно, что очень большой период общественной жизни человека протекал в форме охоты и собирательства, и в этих условиях человек поддерживал примитивные контакты с представителями близких ему видов на языке жестов. Нельзя говорить о существовании на тот период каких-либо серьезных проблем социального характера. Естественная эволюция еще была в состоянии реализовать свою волю и поддержать собственный баланс. Уровень мышления человека еще носил чувственный характер — точнее, определяющим был чувственный характер мышления. Основная особенность чувственного мышления действовала рефлекторно. Инстинктивность тоже является разновидностью чувственного мышления, но самой старой его

разновидностью (это можно проследить вплоть до первой живой клетки). Стиль действия этой разновидности мышления реализуется в форме немедленной реакции на раздражители. Тут действует едва ли не система автоматического действия. Данный стиль продолжает сохранять свое существование и воплощает это в наилучшем стиле. Это можно совершенно спокойно наблюдать даже в растениях. Но наивысшего развития такое мышление достигает на примере человека. Формирование мышления, обладающего пятью чувствами, ни у какой живой особи не достигло с точки зрения координации этих чувств таких высот, как у человека. Несомненно, такие чувства, как слух, зрение и обоняние у многих живых существ развиты лучше, чем у человека. Но в плане достижения комплексной и скоординированной ситуации человек, безусловно, находится в главенствующем положении.

Наиболее важной особенностью чувственного мышления является его связь с жизнью. Фундаментальной его функцией является защита жизни. И в плане защиты жизни чувственное мышление достигло серьезного развития, причем данную сторону отнюдь нельзя не оценить. Тут чувственное мышление работает совершенно безошибочно. Я подчеркиваю это в том плане, что чувственное мышление может мгновенно ответить на любой раздражитель. Слабость чувственного мышления делает человека уязвимым перед жизненными опасностями. Уважительное отношение к жизни и оценка ее ценностей связаны с развитым уровнем чувственного мышления. Это мышление наблюдает за гармонией природы. Его можно назвать даже мышлением, благодаря которому естественная жизнь становится возможной. Существованием своего чувственного мира мы полностью обязаны такому типу мышления.

В человеке, комплексное развитие чувственного мышления повышает шансы на установление связей между чувствами. Построение ассоциаций между чувствами, в первую очередь — слухом, зрением и обонянием, способствует развитию разумных движений. Человеческие сообщества на протяжении долгих лет общались на языке жестов, но позднее, с развитием физиологических условий речи, человек смог достичь до уровня языка символов.

Основу языка символов составляет переход к абстрактному мышлению при помощи слов. Умение общаться при помощи понятий вместо знаков стало великой революцией в истории человечества. Далее оставалось именование объектов и явлений, удовлетворяющих самые важные нужды человека, являвшейся серьезным этапом. Параллельно развивалось обогащение понятиями тех взаимоотношений, которые существовали и между именами, будь то особенности объекта, представленного именами, будь то существовавшие между ними функции, что способствовало появлению в языке глаголов и связок. Победа лингвистической революции была ознаменована переходом к языку предложений.

Это стало новой формой мышления. Размещение фраз в сознании дает возможность думать об объектах и явлениях даже в их отсутствие. Так человечество оказалось на пороге теоретического мышления — это стало величайшим явлением. Если не ошибаюсь, одна из частей левой передней лобной доли «специализируется» на развитии именно такого типа мышления. Мы здесь имеем дело с мышлением, которое не только полезно, но и чревато серьезной опасностью, способствующей возникновению крайне тяжелых ситуаций.

Основной особенностью теоретического мышления является его функционирование в отрыве от чувств. Его можно охарактеризовать также как интеллект, усиливающий АНАЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ. Самое важное преимущество аналитического мышления или ума заключается в том, что человек может при необходимости мыслить обо всей Вселенной, не особенно напрягая мысли. Аналитическое мышление формирует поразительный мир образов. Это — умение строить безграничные мечты. Достаточно развиты способности к построению планов, ловушек, заговоров. Подражая законам природы, аналитическое мышление может развить любого рода изобретение. То, что аналитическое мышление способно в любое время построить заранее подготовленные ловушки и различные заговоры, делает его основной причиной внутренних и внешних проблем любого общества.

Взаимосвязанный характер аналитического и чувственного масштабов мышления свидетельствует о добродетели, свойственной человеку. Однако важнее то, с какой целью используется эта особенность. Общество познало эту дилемму уже на первых этапах существования. Ответ на это базируется на МОРАЛИ как фундаментальном принципе организации. Без общественной морали в жизни невозможно справиться с аналитическим мышлением. Например, любой человек, оказавшийся в плену гневных страстей, применив некоторое аналитическое мышление, вполне может уничтожить любое неприятное ему живое существо, даже целое человеческое сообщество. Именно в противовес этой опасности общество, доведя мораль, как минимум, до уровня социального принципа, стремилось поставить ее во главу угла. Любое сообщество считало главной функцией воспитание своих членов в русле моральных ценностей. Важнейшая в теории морали дилемма добра и зла связана с функционированием этого аналитического мышления. Полезная работа поощряется в соответствии с моралью добра. Тот, кто старается принести вред, осуждается в связи с моральным отношением к злу. Точнее, зло подавляется и осуждается как нечто противоречащее любой морали — до тех пор, пока не восторжествует мораль добра.

Однако такое состояние общества не сможет достичь обязательного предотвращающего характера. В расщелинах социального тела во все времена находятся хитрецы и любители всевозможных капканов и заговоров. В основе всего этого лежит древнейшее занятие, коим является ОХОТА. Принцип занятия охотой предполагает установку капканов и ловушек против других живых существ. Эта традиция пустила глубокие корни в мире животных и даже растений. Данные корни одновременно являются и биологическими корнями аналитического мышления; но в человеческом обществе происходит нечто еще, а именно: охотничья культура, сливаясь с развивающимся аналитическим мышлением, сплавляясь с ним, обретает способность к созданию некой иерархической системы в социальной структуре и окружающей среде. Именно так начались все бедствия. Рассуждения о рае и аде развивались параллельно процессам создания социальной иерархии на базе аналитического мышления. В то время, как горстка сильных и богатых представителей иерархического общества наслаждалась образами райской жизни на самой вершине общественной лестницы, в низших слоях общества разворачивались самые ужасные адские страдания, причины и пути выхода, из которых непонятны, а пропасть продолжала углубляться.

Первой жертвой, брошенной к ногам сильного мужчины, стала женщина. Более сильная, чем у мужчины, связь с жизнью способствовала лучшему развитию в ней чувственного мышления. Будучи матерью и прилагая труды, вызывающие боль, женщина возложила на свои плечи ответственность за жизнь. Она лучше знает и саму жизнь, и то, как эта жизнь продолжается. Женщина занималась собирательством, собирательство стало и результатом ее чувственного мышления, и необходимостью познания природы. Факт накопления общественных ценностей вокруг матери-женщины на протяжении длительного исторического периода является антропологическим свидетельством богатства этого образа матери-женщины и ее роли как эпицентра всех ценностей. Можно утверждать, что именно женщина породила прибавочную стоимость. Ясно, что сильный мужчина, определивший свою основную роль в качестве охотника и добытчика, образно говоря, положил глаз на эти накопления. Установление власти над женщиной сделало крайне выгодным его положение. Использование женщины в качестве объекта своих половых влечений, переход к институту фиксированного отцовства и своего рода господства над детьми, обретение власти над прочими материальными и духовными ценностями значительно возбудили аппетит мужчины. Организация мощи, которую мужчина обрел при помощи охоты, увеличила шанс создания первой социальной иерархии. Начальные случаи отрицательного применения аналитического мышления и обретения им систематического характера в структуре общества мы можем наблюдать на примере такого рода фактов и явлений.

Переход от священного культа матери к культу отца привел к тому, что аналитическое мышление облачилось в некие доспехи святости. В качестве допустимой версии можно предположить, что патриархальная система укоренилась именно в такой форме. Выдающийся пример патриархального мышления можно наблюдать в бассейне Тигра и Евфрата. Мы видим, что, начав свой путь развития в Нижней Месопотамии в период с середины VI по V тысячелетия до н. э., патриархальное мышление распространилось во всей Месопотамии, превратившись в главенствующую культуру. В частности, на основе археологических данных можно сделать вывод о том, что до перехода к патриархату преимущественно в горно-равнинных областях Верхней Месопотамии вследствие обильного растительного мира, до нашей эры, в эпоху мезолита и неолита, главенствующий характер имел матриархат. Данные об этом можно встретить и во многих письменных культурах. Очень развитый характер имели религиозно-языковые факторы, основанные на женском культе.

Можно говорить о том, что социальная проблема впервые возникла в патриархальных сообществах, последовательно формировавшихся вокруг сильного мужского влияния. Такое начало порабощения женщины подготовило почву для дальнейшего порабощения детей и даже мужчин. По мере того, как рабы, как женщины, так и мужчины, обретали опыт накопления ценностей, в первую очередь прибавочной стоимости, ужесточались контроль и господство, которые над ними установлены. Постепенно усиливается значение власти и авторитарности. Сильные молодые мужчины, как привилегированная прослойка, плюс опытные пожилые мужчины плюс сотрудничество шамана с властями — все это способствует формированию центра власти, которому тяжело что-либо противопоставить. Благодаря аналитическому мышлению, здесь развивается чрезвычайно сильная мифическая база для господства разума. Мифический мир вокруг культа мужчины, примеряющего на

себя ореол божественности, исторически известен нам еще с шумерского общества, уже возвышается вплоть до уровня божества, создавшего и землю, и небо. По мере того, как божественный и священный образ женщины предельно унижался и нивелировался, мужчина формировал свой облик источника абсолютной силы, и, окунаясь в волны величественных мифических образов, обрастал взаимоотношениями повелевающего и управляемого, создающего и создаваемого. Мифический мир, внедряемый в сознание всего общества, постепенно становился религиозным, обретая характер основного средства разъяснения. Теперь уже человечество оказалось лицом к лицу со структурированным аналитическим мышлением, практически не знающим границ.

Сформировавшаяся система иерархических взаимоотношений становится первой системой эксплуатации, гнета и структурной авторитарности, ставшей возможной благодаря узаконению мифического мышления патриархального происхождения и сформировавшихся в его недрах шаблонов. Мы видим эти процессы, пусть даже различные по формам и активности, во многих обществах, находящихся на различных стадиях развития. Мышление, делающее возможными гнет и эксплуатацию, не может иметь чувственный характер. Не может мышление, способствующее возникновению социальных проблем, не достичь аналитического уровня развития и не пройти этап слияния с играми в ловушки на стадии охотничьей культуры. И с целью сокрытия своей основной функции это мышление вынуждено выдумывать ложные легенды.

Несомненно, можно говорить и том, что мифическое и чувственное мышление в совокупности создали весьма позитивные традиции и структуры мышления. Неверно было бы объяснять весь мир мышления одной лишь иерархической властью. Именно поэтому в данном процессе мы часто наблюдаем примеры отсутствия жалости и борьбу разумов, доходящую до уровня открытых конфликтов. Но только так мы можем постичь корни фактов и явлений, называемых идеологической войной, — они возникают перед нами в религиозной, философской, этической и эстетической формах. Столкновения, которые мы часто видим в мифах и религиях, это, в сущности, форма проявления экономической и политической борьбы. Борьба за экономические интересы и борьба за власть, вплоть до воцарения капиталистического образа мышления, выражались в облики мифических и религиозных явлений. Государство демонстрирует процесс фундаментальной структуризации идеологических очагов. То, что процесс подачи властных структур на индивидуальном уровне превратился в представительство на уровне структур, связано с появлением классового общества, развивавшегося вместе с процессом урбанизации, исторически называемым цивилизацией.

Город и классовое расслоение общества чаще всего отождествляются с капиталистической системой. Но в данном случае гораздо важнее раскрытие источников. Ни один из видов социальных взаимоотношений, чей выход или корни не раскрыты, не может быть достаточно осмыслен. Вопрос формирования города и по сей день не может считаться комплексом взаимоотношений, полностью нашедших свое объяснение. Это важнее и требует раскрытия не менее, чем вопрос возникновения капитализма. Лично я уверен, что не будет ошибкой считать город протокапиталистическим образованием. Если рынок является сферой взаимоотношений, развившихся и воплотившихся в недрах капитализма, то город можно назвать развитой и укоренившейся формой рынка. Что касается нашей темы,

то город стал наиболее развитым местом проявления, рынком существования мифического мышления. Что касается самого города, то он в силу своего рыночного характера оказался такой структурой, которая представляет собой орудие мощной социализации, требует аналитического, абстрактного мышления и более всего это проявляет. Город — сфера взаимоотношений, где мифический и религиозный миры более рационалистичны, город ускорил развитие науки насколько же, насколько и исказил ее, способствовал активизации таких исторических процессов, как развитие философии. Но больше всего город связан с аналитическим мышлением.

Абстрактный мир понятий, его отражение на искусстве еще более возвеличивают город. В общественное мышление внедряется абстрагированный от чувственного мышления мир образов, который стремится манипулировать устанавливаемыми им капканами и заговорами в сфере спекулятивных взаимоотношений. В городской обстановке развивается разум. В чем же заключается его характер? Что он реализует больше всего, просвещение или тьму? Абсолютно точных ответов на эти вопросы и по сей день нет. Войны и эксплуатация, власть и классовое расслоение — вот клубок главенствующих взаимоотношений, создающих городское общество. Он не только способствовал появлению в своей структуре деклассированных элементов, составляющих, кстати, подавляющее большинство самого общества, но и осуществил полный геноцид в отношении окружающей среды. Несмотря на то, что мифическое и религиозное самовыражение сообществ, базирующихся на сельском образе жизни, каким-то образом связано с аналитическим мышлением, они играют гораздо большую позитивную роль. Мир их верований во главе с божествами является отражением искренних миров, полных чувств. Их божества дружелюбны, милосердны, великодушны и приветливы. Они могут уменьшить боль, облегчить трудности. Но по мере урбанизации мифических и религиозных форм божества тоже облачились в образы абстрактных фигур, подвергающих человека вечным испытаниям, жестоко наказывающих и требующих не столько молитв, сколько мольбы. Они причиняют боль, больше любят повелевать. В основном в образах этих божеств отражены первые лица того материального мира, который вступил в рыночное обращение. Рыночные и городские боги стали тесно переплетаться друг с другом.

Классовое расслоение общества развивается вследствие раздробления взаимоотношений между иерархическими группами, стоящими на вершине власти, и связанными с ними, в первую очередь, кровным родством, клановыми, родоплеменными и семейно-родовыми сообществами. По мере того, как группы, занимающие высшее положение, входят в структуру государства, группы, занимающие низшее положение, превращаются в подчиненные. А это — безжалостный и отчуждающий процесс. Он связан с отставанием чувственного мышления. В меру своей зависимости от правящих классовых групп, а также, принимая как должное факт их господствующего мышления, те, кто оказался на нижних ступенях социальной лестницы, фактически расписываются в своем падшем положении. Это и есть тот миг, когда угнетенные оказываются на дне общества. Соглашение с собственным приниженным положением становится крайней точкой отсутствия обеих типов мышления. Скучность мышления выражает самое негативное, деклассированное положение в обществе. Чем прочнее положение приносящего в жертву и порабощающего абстрактного мышления на вершине общественной иерархии, тем больше безумия, нищеты и рабства на дне общества.

Проведя периодизацию истории сточки зрения мышления, мы придем к следующей картине: ранняя эпоха преобладания мифического и религиозного мышления (5000 гг. до н. э. — 500 гг. н. э.), теологическое Средневековье, ставшее синтезом религии и философии (VI-XV вв. н. э.), современная эпоха разветвления философии и науки (с XVI в. по н. в.).

Догматизация мифов способствует формированию религиозных верований. Но мифы нельзя полностью считать религией, поскольку религия предполагает неизменную веру и формы поклонения. Она полностью вымышлена, и вера в вымыслы составляет основу религии. Единственная положительная сторона заключается в том, что при переходе к абстрактному мышлению религия способствует глубокому разлому общества, и, хочет религия того или нет, но в обществе происходит подготовка почвы к научному и философскому мышлению. Вышеуказанные формы мышления развиваются в диалектической связи с религиозным мышлением. Они носят глубокие следы религии.

Несмотря на то, что в основе философии лежит мышление прежде умозрительного характера, она постоянно связана с конкретикой и не рвет связей с чувственным мышлением. Наивысшей формой мышления является абстрагирующая сила. Ее вклад в науку больше, нежели вклад религии.

Собственно говоря, у науки нет серьезных отличий от философии. Науку можно истолковать даже как философию с более развитой экспериментальной базой, и наука, и философия стараются осмыслить обе природы при помощи наблюдения и экспериментов. И это правильно. Но самым серьезным недостатком религии является отсутствие вразумительного ответа на задаваемый вопрос «почему?». Даже ответ на вопрос «как?», задаваемый природой, не может считаться полным ответом на вопросы жизни. Было бы неверно считать грандиозную Вселенную субстанцией без причины и цели. Наука, не знающая ответа на вопрос «почему?», задаваемый самой жизнью, в результате неизбежно превратится в орудие порабощения в руках власти. Я должен выдвинуть в качестве серьезного тезиса то, что отделение науки от философии и религии (что связано с вопросами о причинах и цели) тесно связано с капиталистическим мышлением.

Могу подтвердить свой тезис следующим образом. Религия и философия, даже мифы — это память общества, его идентичность и возможность самозащиты при помощи интеллекта. Как бы ни была искажена, как бы она ни противоречила самой себе, но ее существование — это социологическая реальность. Общество, чьи связи с историей и собственной памятью разорваны, и наука, зародившаяся в подобном обществе, могут только способствовать служению действующей власти — в данном случае это капитализм. Мифы, религия и философия в условиях капитализма полностью обесценены. Спросите, отчего? Ответ ясен. Это происходит оттого, что на протяжении тысячелетий религия, философия, эпос не воспринимали и изгоняли элементы капиталистического толка, притаившиеся в складках общества (всевозможными подстрекатели, спекулянты, злоупотреблявшие дисбалансом цен на рынке). Ведь если религия, философия и эпос смогут отстоять свое место в мышлении общества, продолжат занимать главенствующие позиции в чувственном сознании общества, то превосходящая роль капитализма попросту окажется невозможной. Никакая власть в подобных рамках мышления, стало быть, морали, не может узаконить капитализм. В той социально-экономической системе, на которую она основана, она не в состоянии защитить

его.

Социолог Макс Вебер характеризует христианство протестантов как мир мышления, подготавливающий интеллектуальную почву и нравственный переход к капитализму. Данное суждение, не лишённое доли правды, можно подвергнуть критике с двух позиций:

а) протестантство само по себе свидетельствует о слабой вере. Его приверженность к капитализму близка также и к науке. Что особенно важно, протестантство открывает эпоху национальных религий. Это своего рода стадия, предшествовавшая национализму. Что касается национализма, то это — чистейшая идеология капитализма. Рассмотрение именно с этой точки зрения масштабных религиозных войн, имевших место в Европе, способствует более полному раскрытию сути.

Капиталисты впервые обрели возможность победы в таком географическом регионе, где религиозные традиции были развиты слабее всего (Голландия, Англия, США). Вместе с тем, указанные страны являлись своеобразным пристанищем различного рода сектантских течений. Я не защищаю идею религиозной ортодоксальности, но всего лишь хочу пояснить, что легкий переход имел место в силу того, что протестантская мораль сама по себе наиболее слабая в христианской морали. В этом заключается отличие моих взглядов от взглядов Вебера. Просто я считаю отрицательным то, что он называет положительным;

б) как бы парадоксально это ни прозвучало, капиталистическое мышление получило признание на конечной или ослабленной стадии длительного исторического развития религиозного мышления. Я совершенно не считаю науку продуктом капиталистического развития. Тут можно говорить о роковом совпадении этапов развития, когда научная революция имела место почти в одном столетии с капиталистической— экономической революцией в Западной Европе. Это совпадение эпох завершилось тем, что конструкторы капиталистической мысли выдали за правду гигантскую ложь о том, что капитализм, якобы породил науку. Личности, внесшие свой вклад в науку, конечно же, проживали в тех же обществах, где имело место активное развитие капитализма. Однако это обстоятельство ни в коем случае не приведет к тавтологии типа «ученые появились благодаря капитализму». У представителей научного мира были противоречия с представителями религиозной мысли, но также большинство из них не принимало капиталистическое мышление.

Необходимо подчеркнуть, что капитализм использовал все формы мышления точно так, как извлекал выгоду от спекуляции товаром и деньгами. Взвесив все формы мышления, капитализм подготовил те из них, которые соответствовали его интересам в виде новых форм философских или религиозных школ и вновь вывел их на рынок под маркой либерализма и позитивизма. Ему удалось продемонстрировать мастерство или даже хитрость, позволившие продать как кусок новой ткани те формы мышления, которые были подходящими для него.

Мышление капитализма может быть охарактеризовано с различных позиций. Но в первую очередь оно должно быть охарактеризовано как эклектичный, конформистский позитивизм и либерализм с высоким риском обмана; с одной стороны, это мышление догматичнее многих самых грубых догм, с другой стороны, неразумнее многих самых абстрактных

философий; оно стало обманом и самым ужасным идолопоклонничеством. Если при помощи позитивизма наука была выхолощена и противопоставлена миру верований и нравственности, то при помощи либерализма индивидуализм, преследующий общество, был возведен до уровня национально-государственного божества, подстрекающего к свершению любого поступка, вплоть до геноцида. Ни одно религиозное мышление не породило столько войн, насилия и пыток, сколько капиталистическое мышление. Ни одно общество не сделало личность таким безответственным, падким на прибыль, жестоким ксенофобом, ассимилятором, диктатором, каким ее сделало мышление индивида в обществе победившего капитализма.

Капитализм как монополярная система, построенная на базе товара и денег, возводя современное финансовое мышление, затолкал человеческое общество в такие шаблоны мышления, до которых не могли додуматься никакие нимроды и фараоны, доведя людей до состояния прострации перед самыми низкими идолами, и в такой ситуации можно говорить об интеллектуальном банкротстве и разложении.

Очень большое значение имеет более тщательное наблюдение за содержанием капиталистического мировоззрения.

Прежде всего, должен подчеркнуть, что односторонние характеристики капитализма являются одним из результатов работы мысли под тяжелым прессом системы. Даже у марксистов и анархистов, считающих себя самыми рьяными антикапиталистами и творцами научной социологии, можно видеть такого рода толкования.

То, что Маркс посчитал личную теорию экономического базиса источником разъяснения всех правовых, политических и идеологических форм, вероятно, и стало одной из главнейших причин того, что социализм, во имя которого была развернута грандиозная борьба, так и не победил. Следует хорошо усвоить то, что никакое человеческое общество не сможет построить и систематизировать материальную сторону жизни (экономическую жизнь) без длительного познания и испытания формы мышления. Анализ системы, не проливающий свет на развитие мышления, в результате обернется служением гегемонии этих систем. Даже формирование такого анализа на полярно противоположной базе не изменит сути. Прежде всего господствующие системы, берут под свою гарантию существование этих властей путем структуризации мышления и политики. Материальная сторона жизни может быть организована именно в этих рамках. Идея Маркса «исправить диалектику Гегеля» оказалась не исправлением, как это принято считать, а ужасающей ошибкой. Теперь уже ясно, что идеализм Г. Гегеля, являющийся вершиной метафизического мышления, стал одним из основных указателей на пути к немецкой национально-государственной идее. До Гегеля были М. Лютер (родоначальник протестантской идеологии) и Э. Кант (уделявший внимание субъективизму, частично нравственности, в противовес жесткому объективизму). По существу, как бы парадоксально это ни показалось, Карл Маркс продолжил эту линию под названием пролетарской, антикапиталистической системы. Вывод: немецкая идеология (мысль) завершилась фашизмом и лидерами типа Гитлера.

Лучше всех эту опасность в проблеме мышления осознал немецкий философ Ницше. Сила мышления в стиле Ницше является полной противоположностью современному

капитализму. Большим недостатком стало то, что, резвившись, это учение не превратилось в политическую философию и практику. Запоздалые усилия французских философов Ж.Делеза, Ф.Гваттари, М. Фуко и др., а также итальянца А. Грамши, оказались очень слабыми и не влились в политическую структуризацию. То, что было достигнуто реальным социализмом — это стапятидесятилетняя история объективного преступного соучастия современного капитализма под маской левой идеологии. Поразительными примерами подтверждения этого являются Советский Союз и Китай. Надеюсь, в соответствующих главах я содержательно раскрою этот вопрос.

Критика капитализма анархистами, в частности, первыми классиками П.Прудоном, М.Бакуниным и П.Кропоткиным, в ряде позиций имеет более разъяснительный характер. Они лучше видели идеологические и политические масштабы. Однако то, что им не удалось добиться правильной структуризации идеологии и философии, а также совершенная оторванность от таких тем, как мораль и история, в итоге превратила их самих в некий идеологический товар на службе капитализма. Должен вновь подчеркнуть следующее: до тех пор, пока мыслительная деятельность не сольется в единое целое с эффективной политикой, нравственностью, историей и практикой, не избежать участи быть использованными противником, который или совсем уничтожит, или, ассимилировав, полностью нейтрализует все усилия. Как жаль, что антикапиталистическое мышление, как это видно на исторических примерах (в первую очередь, христианство, буддизм, зороастризм, манизм), разделило эту же тяжкую участь! Должен сразу же заявить, что я не утверждаю о том, что эти учения оказались впустую, не смогли избежать роковой участи. Если бы это было так, не было бы, впрочем, этих строк и не уделялось бы столько смысла нравственности свободы. Я всего лишь излагаю свои критические взгляды.

Если сегодня у кого-то есть стремление построить успешную альтернативную систему в противовес последней стадии эволюции, коей является капитализм (в охарактеризованной форме), и его историческому фундаменту, то необходимо активно развернуть плодотворную взаимосвязанную деятельность. Таковая может осуществляться в сфере философии политики, политической структуризации и практической деятельности в материальной составляющей жизни, причем делать это надо строго в том направлении, на которое указывает сила нашего мышления.

Место политической и военной мощи в гегемонии капиталистической системы, безусловно, заметно, но основная характеризующая все же состоит в том, что эти явления полностью охвачены, буквально парализованы процессом превращения культуры в индустрию. Можно сказать, что сознание сообществ, находящихся под влиянием системы, приведено в состояние более отсталое, нежели сознание человекообразных обезьян, и полностью поддающееся любым манипуляциям. Система взаимоотношений, сформировавшаяся в зоопарках, в сущности, является поразительным примером построения всего общества по образцу зверинца. Подобно тому, как животные в зоопарках являются объектами зрелищ (показательными элементами), так и общество превращено в некий объект показа, и этот факт подтверждается и высказывается многими философами. Широкая рекламная кампания, развернутая в СМИ тремя активными индустриями «С», коими являются секс, спорт и синтез искусства-культуры, где две последние тесно переплетаются между собой,

полностью нейтрализовала чувственное и аналитическое мышление общества путем их регулярной массированной бомбардировки, что последовательно оборачивается ликвидацией сознания социума, давно уже ставшего объектом зрелищ и утех.

Такое общество не просто капитулирует, а гораздо хуже — превращается в орудие управления и прихоти системы. В сущности, первый опыт показательного общества, предпринятый фашизмом, так и не изжил себя. Главари были ликвидированы, но система со своей национально-государственной машиной и трансконтинентальными компаниями в период «холодной войны» и после нее была возведена в главную роль. В плане разрушения устоев общества упоминаемый период во много раз превосходил времена многих империй, в первую очередь, Шумера, Египта, Индии, Китая и Римской империи. Несмотря на то, что имперская стадия капитализма, став вершиной его гегемонии (то есть предшествующих колониальных и империалистических стадий), однозначно проявляет объективные признаки хаоса и разложения, система стремится во что бы то ни стало нивелировать эту ситуацию, играя с обществом, иными словами, провоцируя разложение мысли общества изнутри, и это надо осознавать особенно четко.

В данном случае определяющим фактором является то, что половой фактор (секс), как уже сказано, возведен в ранг индустрии. Люди доведены до такого состояния, когда свой успех они видят и ищут в сексе. Но ведь для всех живых существ гендерный фактор играет поучительную роль в осознании жизни и стремлении к бессмертию. Только таким образом можно охарактеризовать значение полового фактора для всех живых существ, от одноклеточных видов до человека. Стало быть, он осмыслен и даже священен. Человеческие общества тоже на протяжении всей истории брали за основу именно такой стиль толкования. Все антропологические исследования подтверждают этот комментарий. Если и есть какие-либо отношения, которые не должны быть превращены в обменный товар (индустрию), то важнейшими из них просто обязаны стать половые, потому что они имеют отношение к священному, возвышенному и постоянному характеру жизни. Эти отношения не должны искажаться и угрожать другим формам жизни — в этом их ответственность.

Эксплуатация одного пола другим, можно сказать, является одним из основных орудий гегемонии системы. Не только сделав половой фактор обменным товаром, превратили в гигантскую индустрию; индийский фаллический символ божественности не только деградировал в обществе, но и превращен в господствующую сексуальную религию мужчины, который в сорок крат ниже этого культа. В частности, этот новый религиозный показатель, присутствующий в каждом мужчине, был поставлен во главу угла всех искусств, в первую очередь, литературы, и фактически превращен в некое средство одурманивания умов. Химические наркотики словно превращаются в «нолик слева» в сравнении с этой новой сексуальной религией. Мощная рекламная кампания в медиа органах (речь идет не о простой рекламе) превращает всех членов общества в половых извращенцев. И молодые, и пожилые, и даже дети, все, без разницы, становятся жертвами этого явления, все поставлены на службу этой машине. Женщина превращена в наиболее развитый сексуальный объект. Она обречена на такое мировоззрение, что считает себя неспособной заработать копейку, если каждая клетка ее плоти не будет вызывать сексуального влечения. Священный семейный очаг превращен в некий сексуальный кружок. От священного культа матери и богини остался никому не нужный, забитый и заброшенный в

угол типаж «мужеподобной бабы». Крайне тяжелая ситуация, причиняющая ужасную боль... Статус женщины, как инструмента сексуального, был доведен до крайней точки вследствие появления искусственного оплодотворения.

В рамках потребностей системы противоположная позиция также доведена до невероятных масштабов. Многодетность, в основе которой лежит традиция патриархального общества, в первую очередь, желание мужчин, вследствие запуска врачебных техник снизила роль женщин из низших слоев общества до уровня машин для рождения детей. Таким образом, трудная задача воспитания детей фактически становится участью бедных слоев, что, с одной стороны, помогает удовлетворять потребности системы в молодой рабочей силе, с другой стороны, приводит к непреодолимой деградации семейных ценностей. Тем самым одним выстрелом убивают нескольких зайцев. Семейные пары из высших слоев теперь уже рожают детей путем искусственного оплодотворения, или, не желая рожать своих детей, демонстративно усыновляют или удочеряют их, или вовсе предпочитают тратить большие деньги на домашних животных-любимчиков, а не рожать и воспитывать детей. Таким образом деградирует ценность ребенка, а женщины из высшего общества томно закатывают глаза, пытаясь оставаться вечно красивыми и способствуя ритуализации новой сексуальной религии. Итог: бессмысленный рост населения, безработица, не имеющая никаких исторических прецедентов, и экологический кризис, который не в состоянии выдержать груз жизнедеятельности человека. Должен сообщить, что ответы на эти вопросы и методы борьбы с этой проблемой я планирую раскрыть в «Социологии Свободы».

Индустриализация культуры, иными словами, широко распространенное производство культурного товара, стала вторым эффективным орудием порабощения. Культура в узком смысле слова отражает мир мышления, свойственный всем сообществам. Мысль, вкус и нравственность — вот три основные темы культуры. На протяжении столетий культурные элементы в рамках системы становятся предметами купли-продажи со стороны политических и экономических властей. С точки зрения легализации собственного положения для них незаменимым было привязывание к себе всех культурных элементов на протяжении истории. Элита экономики и власти, рано осознав это обстоятельство, не преминула принять соответствующие меры. Ассимиляция культуры в горнилах власти происходила вплоть до формирования иерархий, и это являлось основным орудием управления. Без культурной гегемонии нельзя было бы управлять экономическими и политическими монополиями. Системы, основанные на силе и эксплуатации, при их помощи могут сохранять свои позиции только благодаря кратковременным набегам и опустошению, но, когда не останется объектов для набегов, будут вынуждены или вступать в конфликт друг с другом, или совсем уйти в небытие.

Роль культуры в капиталистической цивилизации имеет жизненный характер. Культура как совокупность мышления всех сфер общества сначала ассимилируется (приспосабливается к экономической и политической власти) и затем превращается в индустрию для масштабной и жесткой экспансии во все общества мира (будь то нации, народы, национальные государства, гражданские общества и компании). Литература, наука, философия, различные области искусства, история, религия и право — все сферы жизни превращаются в объекты экспансии и товар. Такие средства, как книги, фильмы, газеты, телевидение, Интернет и радио, выполняют свои функции в качестве товарных составляющих этой индустрии. В

данном случае культурные товары не только способствуют грандиозному материальному обогащению, но и играют главную разрушительную роль посредством доведения интеллектуального плена до невиданных в истории масштабов, формирования классов, наций, родов и всевозможных общин, МАССЫ, потерявшей смысл жизни, по сути своей аморфной, бесформенной и обладающей обезьяньим аппетитом. В покорности собственной участи все эти сообщества ушли дальше безмолвных волков. Главными архитекторами этого явления становятся национальные государства, трансконтинентальные компании и монополии СМИ. В обществе их не интересует ничто, кроме добывания денег и их потребления. Даже доведенные до нищеты слои общества пришли в такое состояние, что представляют себе никакой цели, кроме как завтра заработать чуть больше, чем сегодня, и зажить лучшей жизнью.

Обратим внимание на факт использования принципа доведения до нищеты как культурного явления. Даже столь нелюбимое нами Средневековье смогло осознать, что доведение до нищеты становится причиной волнений масс, и свидетельством культурной победы этой системы является то, что она установила систему оплаты труда в рамках культурной гегемонии.

Ужасающей стороной господства совокупности культурной и сексуальной индустрий является то, что это господство и даже заточение всего сущего в рамки воспринимается добровольно, даже называется «взрывом свободы». Ясно, что именно это является сильнейшей опорой, орудием узаконения системы правления. Имперская стадия капитализма возможна только при индустрии культуры. Таким образом, борьба против культурной гегемонии требует самой глубокой борьбы интеллектов. Войну с культурной экспансией, которую система осуществляет своими завоеваниями, ассимиляцией и индустриализацией, необходимо развить и организовать как формально, так и в плане содержания, иначе никакая борьба за свободу, равенство и демократию не будет иметь шансов на успех. Такого рода проблемы я также постараюсь рассмотреть в «Социологии Свободы».

Спорт во всех обществах изначально играл роль подготовки для участия в чем-либо. Спортивные игры предназначены для успешного участия в жизнь. Они прививают навыки к социуму. В частности, первые признаки индустриализации спорта видны со времен разложения Римской империи — таков смысл института гладиаторов.

Капитализм с самого начала объединил спорт с техникой власти (профессионализация спорта) и, уничтожив его любительскую суть, поставил на рельсы индустрии. Он стал еще одной сферой приспособления в рамках превращения в обменный товар. Вместо того, чтобы поставить во главу угла принцип участия в жизнедеятельности общества на почве высоких моральных ценностей и физической выносливости, спорт был превращен в средство заработка, а для этого потребовалось стимулирование соперничества и превращение общества в пассивного созерцателя. Культ арены (на глазах у публики человека отдавали на растерзание львам или преступные гладиаторские бои) распространился на все виды спортивных состязаний. Стремление к рекордам и жажда аплодисментов — вот два главенствующих символа. Иметь команду стало гораздо важнее, нежели иметь веру или философию. Понятие поддержки спортивной команды обрело характер болезни. Спорт был

превращен в эффективное средство управления в руках правящего класса. К примеру, какая религия или философия могут иметь такое значение для правящих классов, как футбол?

Даже не даваясь в детали, можно сказать, что превращение трех «С» в индустрию привело их на вершину искусства управления. Без превращения трех «С» в индустрию невозможны ни управление мировым капиталом, ни национально-государственная власть. Должен еще раз подчеркнуть, что мы не собираемся поливать грязью половой фактор, культуру и спорт как явления жизни. Критике подвергается то, что эти социальные явления и наиболее жизненные сферы действия принципа постоянства доведены до деградации и превращены в индустрию.

Другим важным средством влияния на мировоззрение является культ виртуального мира, реализуемый в рамках гегемонии мышления капитализма в основном медиа-органами. Виртуализация жизни означает восхождение аналитического мышления до самых крайних пределов. Если даже такое ужасное явление, как война, преподносится в виртуальной форме, то разрушение нравственности становится обыденным делом. Жизнь, которую человек не испытал на себе физически и не осмыслил при помощи интеллекта, всегда называлась фальшью. Даже если теперь такая жизнь уже называется виртуальной, она все равно не перестает быть фальшивой. Мы вовсе не собираемся обвинять технический прогресс как таковой за то, что он сделал возможным виртуальное отображение жизни. Мы оцениваем те аспекты технического прогресса, которые в очередной раз сделали возможной эксплуатацию, парализовав тем самым сознание индивида. Технология без осмысления представляет собой самое страшное оружие. Господство капитализма над техникой и потребность в управлении миллиардами людей становятся основными факторами, требующим виртуализации жизни. Жизнь уже перестает идти естественным ходом, она окапывается в процессе постоянной виртуализации. Она как будто умирает стоя. Симуляция становится конкретным воплощением жизни. Но симулирование любого явления, взаимоотношений, произведений не может способствовать обогащению человека знаниями. Это процесс оглушения личности. Подражание всем плодам цивилизации не в состоянии стать залогом прогресса, оно всего лишь реализует гегемонию культуры подражания. Смысл дифференциации, лежащий в основе жизни, ни в коем случае не может опираться на повторении. Даже история не повторяется, ибо подражание является антагонизмом прогресса, а виртуальная жизнь, как известно, основана на безграничных повторах. Все обезличивается, подражая друг другу. Таким способом общество превращается в отару овец. Без виртуальной жизни нет эпохи финансов. Это происходит только в результате безграничного отупения, а это возможно только путем культивирования мнимой, виртуальной жизни.

Основной обязанностью идеологии свободной жизни является противостояние этому процессу. Реальное представление свободной жизни и ее организация — это важнейшее из того, что необходимо сделать для того, чтобы сохранить общество. Именно в этой плоскости лежат вопросы, на которые больше всего должна дать ответ социология свободы. Этот успех системы можно было бы прокомментировать с нескольких позиций.

Первое — это ослабление функциональных связей общества с нравственностью и религией, принижение их роли и места, доведение до зависимого положения вследствие главенства

светского права. Религия и нравственность теперь уже допустимы в тех рамках, в которых они могут служить системе. Право и светский характер жизни, по сути своей, становятся средствами перехода контроля над обществом к капиталистической власти. Включив и аристократические прослойки, и крепостных старого общества в рамки накопления капитала и превращения их в рабочую силу, а также создания своеобразного резерва, система при помощи правовых и светских средств, ставших ее орудием, фактически ликвидирует эти прослойки. Но она не стремится к их полной ликвидации. Поскольку прослойки старого общества были достаточно эффективными средствами в руках цивилизации, они нужны новой системе как последнее слово цивилизации. Но при этом важнейшим условием было то, чтобы они не участвовали в экономической и политической власти, не чинили препятствий системе. Реформы в религии и модель правового государства в результате выполнения этих функций становятся основными показателями современного капитализма. Они уже играют свои истинные роли двух основных средств перехода к капиталистической экономике и обществу. Вместе с тем они становятся орудием решения проблем, имеющих в сознании системы.

Второе — это «научный метод». Разделение на «объект-субъект» стало едва ли не ключом к гегемонии разума. Принцип объективности, ставший, на первый взгляд, незаменимой составляющей научного метода, по сути, является предварительным этапом подготовки господства субъективизма. Для того, чтобы управлять, надо быть субъектом. Естественно, те, кем управляют, исполняют роль объектов. Быть объектом означает превратиться в вещь, которой управляют. Стало быть, вещь, естественно, объект и является методическим выражением превращения в простаков, которыми субъекты управляют по своему усмотрению. Вместе с тем, этот процесс превращается в кредо науки. Субъектно-объектное разделение своими корнями уходит вглубь до философии Платона. Дилемма знаменитого мира идей Платона и простых отражений является основой всех схожих разделений. Мифическую основу этого в захватывающей форме демонстрируют Шумер и Древний Египет. Настоящими корнями данного явления стали обожествленное возвышение и возвеличивание высших иерархических слоев на фоне порабощения низших слоев. Отражение дилеммы «создатель и тот, кого создали», «правитель и гот, кем управляют», в сознании общества происходило в форме таких дилемм, как «бог-раб», «слово-вещь», «прекрасные идеи — примитивные идеи», и, разившись, превратилось в дилемму «субъект-объект». В этой же форме происходило разделение на дух и тело. Политический смысл этого разделения заключается в отрицании демократии и подготовки почвы для олигархических и монархических режимов.

Следует четко осознать то, что капитализм и аналитическое мышление сплетаются в самые коварные заговорщические узлы. Захватывающим выражением этого процесса стала биржа, являющаяся той самой сферой, где спекулятивное мышление приносит потрясающую прибыль. Спекуляция и инсинуационное мышление в рамках системы выглядят, как братья-близнецы. Аналогичная ситуация происходит в политической и военной сферах.

Войны строятся на лукавстве и коварстве — это и оказывается венцом охотничьего культа. В биржевой, политической и военной сферах инсинуационное мышление, как никогда прежде, играет роль средства манипуляций и заговоров. Ни на йоту не уступает место таким понятиям, как совесть и чувства. В один и тот же миг йодной сфере можно творить ужас при

помощи ядерных и прочих кошмарных бомбардировок, но в это же время в другой сфере, не проливая ни капли пота, можно извлечь миллиардные прибыли.

Можно сказать, что капиталистическое мировоззрение полностью обнажается именно в биржевой, политической и военной сферах. Нет никаких человеческих ценностей и чувств, которые не ущемлялись бы капитализмом во имя извлечения прибыли.

Но ведь «альфой и омегой» жизни является именно чувственное мышление. По мере отрыва от этого типа мышления приводит к постепенной утере смысла жизни. Экологические бедствия свидетельствуют о том, что опасность, нависшая над жизнью, становится своего рода предвестником Апокалипсиса. Виной тому превращение искаженного инсинуационного мышления при помощи языка, власти, города, государства, науки и искусства в самого настоящего вселенского монстра Левиафана (вселенская империя мирового капитала). Только глубокое развитие чувственного мышления помогут остановить это чудовище. Для того, чтобы обезвредить этого монстра, надо нейтрализовать его воздействие на свободную жизнь. Надо нейтрализовать его пока он не уничтожил планету. Надо превратить нашу планету в такую красоту, без которой нельзя будет жить, иначе она окажется таким ужасом, в котором жизнь будет просто невозможна. Основной функцией социологии свободы станет достижение теоретического взгляда на эту жизненную практику и ее правильная реализация.

Версия #2

Зверобой создал 25 декабря 2025 21:16:32

Зверобой обновил 25 декабря 2025 22:50:21